

Они лечили воинов, изготавливали боевые амулеты, предсказывали погоду и даже в некотором роде договаривались с такими природными стихиями, как молния, ветер, дождь; могли изменять течение времени и свойства пространства. Их пояса использовались как хранилище знаний, а также могли служить картами. Иначе как объяснить, что два-три корабля, по пятьдесят воинов в каждом, преодолевали не только тысячи миль опаснейшего пути по морям и рекам с их рифами, штормами и мелями, но и километры суши волоком. Вот скажите, откуда родом ваш отец и ваша тетя? — спросил Агрис и посмотрел на меня в упор.

— Мой отец и тетя родились на Витебщине, недалеко от местечка Дубровно, что на берегу Днепра. Их предки жили там издавна, — машинально ответила я.

— Ну как же вы не понимаете очевидного! Витебск стоит на Западной Двине, а Дубровно и Орша — уже на Днепре, расстояние между бассейнами рек в этом месте минимальное — там ведь был волок пути из варяг в греки! И боевые корабли викингов шли дальше из верховьев Днепра к Киеву! А где волок, там и ведуньи, без них невозможно было преодолеть эти километры суши. Это ведь была граница, и не просто рек, а миров! Только посвященные могли менять пространство и время и соединять миры, — все больше горячился Агрис.

— Извините, но я сама читала, что какие-то энтузиасты-реконструкторы сделали древний драккар и прошли путем викингов из Балтийского моря по Западной Двине, потом волоком по Катynie, она, кстати, от этого так и называется, потом в Днепр и дальше к Киеву, — пустилась я сбивчиво излагать неизвестно откуда всплывшую у меня в голове информацию.

— Ха-ха-ха! Не смешите меня! Я сам был инициатором одного из таких походов! Так вот, волоком

тот драккар тащила современная военная техника, и то корабль разваливался несколько раз и требовал серьезного ремонта. Как вы себе это представляете? В десятом веке пятьдесят даже очень сильных воинов волоком тащат свой боевой корабль, да еще хотят сохранить свое передвижение в тайне, чтобы набег был внезапным?! Или, может быть, кто-то для них приготовил десятки лошадей?! Вы понимаете, какую ценность тогда представляла лошадь и сколь малочисленными были прибрежные крепости-поселения? Вот это действительно сказки! А что было на самом деле и какую роль здесь играли ведуньи, скрыто покровом тайны. Но все же остались некоторые материальные свидетельства, мой дед считал таковыми именно орнаменты-письмена, дошедшие до нас на рушниках и поясах. — Агрис встал и достал из ящика своего необъятного письменного стола фотоальбом.

— Смотрите, вот это мы, как раз под Катynie, пытаемся тащить волоком драккар. Видите, сколько специальных катков и приспособлений, техники, и то процесс оказался очень трудным, даже в наше время. Кстати, можете полюбопытствовать и посмотреть, как передвигали на 8 километров до Финского залива Гром-камень. Хотя, конечно, сравнение некорректное, но сложность проблемы тут проступает достаточно наглядно. Вот смотрите, это я — молодой и красивый двадцать лет тому назад, а это мой друг датчанин Ларс. Кстати, если собираетесь в Копенгаген, то я настоятельно рекомендую вам встретиться с Ларсом и поговорить. Он может очень многое рассказать о письменах викингов. Возможно, что-либо новое узнаете о своих предках.

— Спасибо, вы и так мне уже практически открыто сказали, что мои предки имели отношение к ведьмам! — растерянно, чуть не плача, ответила я.

— А что вас, собственно, смущает? Тысяча лет христианства на землях Медведицы, когда планомерно уничтожались самые красивые, умные и обладающие знаниями и уникальной силой женщины? Неужели вы никогда не задавали себе вопрос: почему женщины такие слабые и угнетаемые, не способные постоять за себя и свое потомство? Неужели природа столь непредусмотрительно доверила рождение ребенка существу, которое не в силах его защитить и вырастить? Природа мудра, она дала силу женщине, но не физическую, а другую, ведовскую, дала ей возможность управлять любыми силами. И отголоски этого вы сегодня сами ощущали физически, когда держали в руке горячий «змеиный» пояс. Не отвечайте сейчас ничего, а разрешите себе просто над этим думать. Вот это адрес Ларса, я ему сегодня позвоню и предупрежу, что вы заглянете. Я ведь угадал, вы летите завтра в Копенгаген? — задал напрямую вопрос Агрис.

— Верно, завтра я лечу в Копенгаген! — подтвердила я, уже ничему не удивляясь.

— Вас ведет пояс, а я знаю только одного человека, которому этот пояс очень интересен, — Ларса. Держите его визитную карточку и, кстати, не смущайтесь, но Ларс живет в Христиании. — Агрис встал и протянул мне картонный квадратик.

— А я и не смущаюсь, я не была раньше в Копенгагене и не знаю, что такое Христиания, — вздохнула я, сожалея, что наша необычная встреча подошла к концу.

— Тогда счастливого полета, если окажетесь еще в Таллине или просто захотите поболтать со мной по телефону — звоните, рад быть полезным. Тем более что ваши зеленые глаза и рыжеватые волосы свидетельствуют о наличии у вас гена ведовства. Шучу, шучу! Возвращайтесь домой Короткой ногой! До свидания! — Антиквар ловко лавировал между своими экспонатами, указывая мне наиболее безопасный путь к выходу. — Кстати, существует легенда, что здесь жила хромая баба по прозвищу Ялга, или Яга, отсюда и названия улиц — Пикк-Ялг и Люхике-Ялг, улицы Длинной и Короткой ноги, если перевести дословно на русский. Помните детскую сказку про Бабу-ягу, костяную ногу. Когда датчане пришли в Литну, а так называлось городище эстов, то она предсказала, что на холме будут жить знатные, а под холмом богатые, но ни те ни другие не будут пользоваться старыми дорогами. Так и получилось: в Вышгороде жили знатные господа, а в Таллине — богатые ганзейские купцы, но ни те ни другие не смогли ходить путями драккаров и создавать новые государства и династии. Ба! Да вы прихрамываете, гостя дорогая?! Не сверкайте своими зелеными глазами, шучу я, шучу, нельзя жизнь воспринимать так серьезно, как вы! Таллин — это город, где надо смотреть на крыши, особенно отсюда, с вершины холма Тоомпеа. До свидания! — еще

раз произнес напоследок Агрис и закрыл дверь своей лавки за моей спиной.

Я постояла несколько мгновений, перевела дух и двинулась вверх на смотровую площадку Верхнего города, чтобы успокоить взбудораженную душу созерцанием бескрайнего моря черепичных таллинских крыш. «Надо прочистить мозги, иначе лопнет голова, — промелькнула у меня мысль. — Вспоминай, перегружайся! Что ты знаешь, к примеру, о соборах этого города? Ага, вот виднеется шпиль Домского собора, а вот черный свод церкви Преображения, где венчался прадед Пушкина, комендант Таллина Абрам Петрович Ганнибал, а дальше высится купол православного храма Александра Невского, здесь в отрочестве служил московский патриарх Алексей Второй». Но вместо полезных сведений о христианских храмах всплывали почему-то совсем иные образы этого города: на остроносых крышах домов гуляли глиняные, а может, и не глиняные, но точно черные кошки; восседали царственные, гордые чугунные пантеры, и подглядывал за прохожими в лорнет любопытный господин, а еще повсюду торчали бесконечные печные и каминные трубы... А над трубами обычно летает кто? Тьфу ты, ведьма на метле! Вот и отвлеклась от назойливых мыслей! Все-таки средневековые города у нас прочно ассоциируются с магией, алхимией и колдовством.

КАРТИНКА 17.

Город сказок для взрослых.

Маршрут: Копенгаген — Центральный вокзал — Русалочка и пиво «Карлсберг» — «Кронберг», Шекспир и Хольгер Датчанин — по местам сказочника — датская кухня — Христиания

Племена легендарных великанов данов в середине первого тысячелетия нашей эры пришли на земли Балтийского моря, завоевали Ютландию и Зеландию, вытеснив живущих здесь ютов и англов. Так образовалось королевство данов, наводившее ужас на всю Северную Европу своими набегами и грабежами. Вплоть до двенадцатого века датские викинги бивали англов и даже правили Данией и Англией как единым королевством. Все эти исторические ужасы я почерпнула из путеводителя, когда ехала в поезде, несшемся из международного аэропорта Каструп к центральному железнодорожному вокзалу в Копенгагене.

Вокзал представлял собой огромное сооружение, где, как мне показалось, встретились прошлое и будущее. Огромный «рыцарский» замок из красного кирпича с островерхими крышами был пронизан тринадцатью современными платформами, откуда уходили поезда по всей Северной Европе. На несколько квар-

талов вокруг вокзала раскинулось море, состоящее из колес, рам, рулей, в общем, куда бы ни смотрели мои глаза — везде в несколько ярусов были припаркованы велосипеды. Десятки тысяч велосипедов окружали Центральный железнодорожный вокзал Копенгагена. Пораженная этим невиданным мною ранее зрелищем, я сама чуть не попала под колеса этого транспорта.

Молодой парень крутил педали велосипеда, к которому была прикреплена тележка, груженная несколькими картонными ящиками, и разговаривал по телефону. Я стояла на тротуаре у выхода из вокзала, взирая на горы велосипедов и абсолютно не подозревая о том, что велосипеды в Копенгагене могут появиться в любую минуту, в любом месте и являются самым опасным и травматичным транспортом в этом городе. Меня спас мой чемодан, или мой ангел-хранитель, поставивший его на дороге велосипедиста. Колесо велосипеда наехало на мой багаж, парень скатился кубарем, ящики упали на тротуар, выбросив из своего картонного разорванного чрева банки пива «Карлсберг». Я, ужаснувшись, зажала ладонями уши, ожидая услышать поток ругательств, но, к моему изумлению, молодой человек, сидя на мостовой, рассмеялся, легко поднялся, достал из груды покореженных банок пива две уцелевшие и протянул мне.

— Извините, меня, пожалуйста, — обратился он ко мне по-английски. — Я сам виноват, заболтался по телефону и чуть на вас не наехал. Выпейте за мое и свое здоровье и за то, что все хорошо кончилось! Добро пожаловать в Данию! Страну велосипедов и пива!

Вид очумелой туристки, молча закрывающей и открывающей рот, насмешил его еще больше. И так, смеясь, он быстро собрал банки с пивом, сел на свой велосипед и укатил прочь. Датчане очень веселый и приветливый народ. И если вы вдруг встретили постоянно шутящего и слегка пьяненького скандинава, то будьте уверены — это датчанин!

Добравшись до гостиницы, я набрала телефон Ларса. Мы договорились встретиться завтра утром у него в галерее. Весь оставшийся день был свободен, и я решила поехать в замок Кронборг, благо до вокзала было рукой подать, а до замка — не более часа езды.

Устроившись у окна вагона, я смотрела на зеленые холмы Дании и думала о том, что для одних это древняя земля викингов, для других — родина Ганса Христиана Андерсена, для третьих — вкуснейшего пива, для четвертых — то и другое вместе. Великий датский сказочник не особенно жаловал детей, он писал свои сказки для взрослых, в которых пытался разбудить их лучшие человеческие черты, потерянные и забытые ими в детстве. Через сто лет после появления сказки Андерсена о Русалочке на сцене был поставлен утонченный балет, увидев который пивной магнат и основатель компании «Карлсберг» Карл Якобсон за-

казал лучшим датскому скульптору Эдварду Эриксону бронзовую статую Русалочки и подарил ее городу Копенгагену. И вот уже почти 100 лет на гранитном постаменте в порту города царствует бронзовая Русалочка, ставшая символом столицы Дании.

Скорый поезд все дальше уносил меня из современного Копенгагена, или, на стародатском, города торговцев, в древний замок воинов и королей Кронборг. Я вышла в городке Хельсингёр и направилась к громаде замка, хорошо известного любителям шекспировского Гамлета также под именем Эльсинор. Фахверковые одноэтажные длинные домики из камня и двухэтажные с мансардой разномастными бусинами были нанизаны на мостовые. Из окон-витрин выглядывали расцветенные лампочками и свечами мордашки ангелов, гномов, троллей, кукол, медвежат и цветочные кашпо. Кружевные робкие шторы только усиливали эту красоту. И что интересно, на подоконниках среди всего этого обязательно присутствовали солонка и перечница. Снаружи к окнам были прикреплены зеркала, наподобие автомобильных, чтобы уважаемым гражданам было видно все, что происходит на улице. Сразу вспомнилось детство в бабушкином доме, где перед тем как вставлять на зиму вторые рамы, заполняли проемы между окнами толстым слоем белой ваты, укладывали на нее елочные игрушки, блестящие снежинки, рассаживали расписанные деревянные игрушки, ложки, солонки. Зимой же на этих окнах появлялись сказочные узоры, можно было дыханием отогреть глазок и с замиранием сердца наблюдать за снежной поземкой, складающейся в затейливые фигуры.

При первом взгляде на замок, выросший в чистом поле, на берегу пролива Зунд, берег которого завален гигантскими каменными глыбами, понимаешь: то, что описывал Шекспир, правда — настолько мрачен, суров, неприступен, но одновременно необычайно величествен этот Кронборг. Зловещее впечатление настолько сильно, что Шекспир, вероятно, услышав о замке от своих друзей, не мог устоять от искушения перенести действие своей трагедии именно сюда, в датский замок Кронборг, назвав его в ней Эльсинор. До восемнадцатого века замок был военной крепостью и резиденцией датских королей и поражал иноземных послов и гостей своей роскошью и великолепием. Когда король во время пиршества говорил тост, то в конце его пушки крепости давали залп. И до сих пор, когда через ворота Кронборга шествует королева или королевская яхта проходит пролив, пушки замка салютуют.

В какой-то момент, когда я начала обходить укрепления, замок стал удивительно похожим на огромный корабль и начал угрожающе двигаться прямо на меня. Сколько же надо было вложить силы в создание этого замка и сколько надо было ее иметь,

чтобы жить в нем? Ничего удивительного в том, что замок свел с ума шекспировских героев! Принц датский Гамлет жил в трехэтажном замке-крепости с бастионами, рavelином и пушками, смотрящими на пролив Эресунд. Гигантские каменные винтовые лестницы, балки, залы Кронборга и сейчас создают впечатление, что замок был построен великанами и для великанов, и хочется спрятаться от всей этой уничтожающей силы, сквозняков и холода и вернуться гулять по такому уютному и сказочно красивому, теплому Екатерининскому дворцу в Царском селе. Да, замок Кронборг — одно из последних убежищ великанов-героев прошлого!

В темных казематах Кронборга дремлет богатырь Хольгер Датчанин, водрузив свои сильные руки на меч. Впервые о нем упоминается в «Песне о Роланде», появившейся в тринадцатом веке. «Есть в Дании старинный замок — Кронборг; лежит он на самом берегу Зунда, и мимо него ежедневно проходят сотни кораблей: и английские, и русские, и прусские. Все они приветствуют старый замок пушечными выстрелами: бум! Из замка тоже отвечают: бум! Это пушки говорят: “Здравия желаем!” — “Спасибо!”. В его глухом, мрачном подземелье, куда никто не заглядывает, сидит Хольгер Данске. Он весь закован в железо и сталь и подпирает голову могучими руками. Длинная борода его крепко приросла к мраморной доске стола. Он спит и видит во сне все, что делается в Дании. Каждый сочельник является к нему ангел Господен и говорит, что все виденное им во сне — правда и что он еще может пока спать спокойно: Дании не угрожает никакая серьезная опасность. А настань эта грозная минута — старый Хольгер Данске воспрянет, так что мраморная доска стола треснет, когда он потянет свою бороду. Он выйдет на волю и так ударит мечом, что гром раздастся по всему свету». Так писал Ганс Христиан Андерсен. На море грозно смотрят пушки Кронборга. И знаменитое шекспировское «неладно что-то в Датском королевстве» — всего лишь фантазия извечных датских врагов — англичан, ведь вечно на страже Кронборга Хольгер Датчанин, как на страже Таллина — богатырь Калев, а на защите ливов — спящий до времени мифический сын звездной медведицы Лачплесис. Во всех своих владениях оставили древние викинги стражей, что дремлют до грозной години, а настанет она — и драккары с белокуроыми бестиями-детьми дракона пройдут сквозь пространство и время, врежутся в морские берега и покарают зло.

«Хорошо, что не ушли герои из нашей жизни, уступив место политикам и торговцам, а лишь только загнули», — подумала я, выйдя с огромным облегчением из казематов замка Кронборг. Ноги понесли меня прочь через ворота замка, украшенные королевской

монogramмой, обратно к уютным улочкам Хельсингёра, а поезд вернулся в искрящийся огнями Копенгаген.

Город жил своей привычной ночной жизнью. Многочисленные ресторанчики и бары гудели, заглядывая трезвых и голодных прохожих, выбрасывая их через несколько часов пьяненьких и сытых. Густые пары пива и характерный запах макрели опустились на центр города. Стайки молодых шведов, англичан, французов, приезжающих в Копенгаген в поисках развлечений и приключений, переходили от бара к бару, от клуба к клубу, забывая к утру недорогие гостиницы в «квартале красных фонарей». Проституция в Дании официально разрешена. Правда, красных фонарей нигде нет, но огромное количество проституток всех цветов радуги вечером заполняют практически весь туристический центр города, включая самые respectable районы вокруг ратуши и парламента. Дания весьма терпимая к порокам страна, главное, чтобы они не угрожали жизни и спокойствию датчан и приносили им приличный денежный доход.

Погуляв по Старой городской площади, где должны были сжечь на костре немую Эльзу, но однадцать белых лебедей погасили огонь своими могучими крыльями, и где хотели казнить солдата, дерзнувшего видеться с принцессой, я направились к Круглой башне. Подняла голову и подумала: «Ничего себе были глаза у той собаки, что стерегла огниво, которое было в кармане у солдата, влюбившегося в принцессу. Как там написано у Андерсена? “Вот так страшилище! Сидит там собака, глаза и впрямь как Круглая башня и ворочаются ровно колеса!”» От Башни по набережной я спустилась к каналу Нюхавн, с двух сторон окруженному пряничными разноцветными домиками, где обитали герои Андерсена и жил сам сказочник. Заброя в рестораник в одном из таких домиков, я заказала традиционную еду датчан — пиво и свиную печень с хрустящим картофелем и красной капустой. После холода казематов замка Кронборг и прогулки по вечернему Копенгагену мой аппетит можно было сравнить с вечным голодом собаки из сказки «Огниво». Датская кухня очень простая и состоит в основном из свежей, копченой и соленой рыбы и картофеля, обильно сдобренных всевозможными пряностями, особенно душистой ванилью и корицей. Похрустывая картофелем и мечтая о знаменитом датском десерте — густом киселе из черной смородины со сливками, я невольно начала прислушиваться к громкому разговору четверых английских студентов, уловив в их разговоре знакомое мне слово «Христиания».

Один из них, вероятно, старший и самый бывалый, обещал отвезти завтра своих приятелей в Христианию.

— Завтра, ребята, в полдень поедем в Христианию. Это такой стремный райончик в восточной части од-

ноименного острова в Копенгагене. Город в городе, государство в государстве, независимый самоуправляемый анклав недалеко от датского парламента. Заброшенные казармы короля Христиана в те времена, когда наши родители еще хипповали, а не учили нас жизни, были захвачены неформалами, что и основали там коммуны. Даже издавали свою анархическую газету. Наркодилеры-пушеры пытались наладить через Христианию трафик тяжелых наркотиков, но местные ребята воевали как с ними, так и с полицией. Завязалась... э-э-э... эдакая гражданская война. Вначале побросали бутылки с зажигательной смесью, потом покурили марихуанку, и все побратались. Противники тяжелой дури нагнули наркодилеров и власть, и сегодня Христиания свободна от героина и опиума. Легально там можно срубить лишь косячок марихуаны или гашиша, и то только в единственном месте — на Пушер-стрит. В Христиании нет собственности на землю или жилье, можешь заниматься или не заниматься чем-либо. Но вступить в эту коммуны нереально. Можно стать ее членом, только если ты друг или подруга кого-то из членов коммуны, официальных браков там нет. Только свободная любовь!

Сейчас там тихо и кайфово, пока скучные и праведные шведы опять не начнут капать датскому пра-

вительству, что, дескать, наркотики и свободная любовь в Христиании подрывает нравственные мировые устои, — просвещал бывалый своих товарищей, прихлебывая пиво из гигантской кружки в виде сапога.

— Ты хочешь сказать, что название этого места связано не с христианством, а с названием казарм, где живет община неформалов? — поинтересовался у бывшего робкого вида рыжеволосый конопатый парнишка.

— Знаешь, рыжий, я тоже так вначале думал, пока на пару с местными не забил косячок. А когда сам покурил и пообщался с ними, то понял, что тело, как проповедуют во всех религиях, — это тюрьма для души, а как примешь толику гашиша или марихуанки, так оковы души падают, и она летит себе в кайфе свободно куда хочет. Так что когда попробуешь — сам решишь, что общего между христианством и Христианией! Ха-ха-ха! Только бабушке своей об этом не говори, не тревожь старушку!

«Да, в интересное место я завтра собираюсь, но ничего, где наша не пропадала! Более четырех веков понадобилось датчанам, чтобы пройти от силы и славы Кронборга до расслабленности и людей-цветов в Христиании!» — бурчала я себе под нос, покидая уютное кафе на канале Нюхавн.

Продолжение следует.